

в итоге приобретает черты богатырского и сказочного эпоса,⁸ а пересказы былин и отчасти сказок приближаются по своей манере к воинской или авантюрной повести.⁹ Принципиальный интерес в связи с последней тенденцией представляют наблюдения и выводы А. М. Астаховой и В. В. Митрофановой, основанные на анализе рукописных материалов XVII—XVIII вв.: «...встречаются тексты, в которых ясно ощущаются следы сознательной литературной обработки. В некоторых текстах она настолько значительна, что их можно рассматривать как повести в подлинном смысле этого наименования».¹⁰ Исследователи убедительно выделили два основных повествовательных типа — «героическую богатырскую повесть» (переработки былин об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Михаиле Даниловиче, Сухане) и повествования социально-бытового характера (переработки былин о Потоке, Ставре, Иване Гоудиновиче).¹¹

Фольклоризация русской литературы XVII в. отнюдь не может рассматриваться как однородный в идеологическом отношении процесс. Даже для демократической литературы — идеологически сложной и противоречивой — характерны различные тенденции в использовании фольклора и обращение к различным идейным элементам фольклора. Известно, что неразвитость, незрелость новых общественных отношений, только складывающихся на Руси XVII в., привнесла много утопизма в социальные устремления демократических слоев, определяла косность народного быта, консерватизм моральных идеалов. В самом фольклоре отразились противоречия в мировоззрении народных масс той эпохи: их недовольство существующими общественными отношениями, протест, стихийное бунтарство, с одной стороны, и царистские иллюзии, религиозные предрассудки, идеализация патриархального быта — с другой. Это обусловило сложное взаимодействие демократической литературы XVII в. с фольклором; наряду с прогрессивными устремлениями и настроениями в фольклоризме той эпохи явно ощущаются и консервативные, а подчас и реакционные элементы. Зачастую и те и другие тенденции, усилённые в результате взаимодействия фольклора и литературы, оказываются в одних и тех же литературных произведениях неразрывно связанными. Сложный идейный замысел «Повести о Горе и Злочастии» побуждал ее автора ориентироваться не только на былинный эпос и народную лирику, но и на духовные стихи.¹² В Житии протопопа Аввакума, с характерной для него установкой на устный бытовой сказ, в соответствии с противоречивым идейным содержанием этого произведения и общей религиозно-дидактической его направленностью, автор обильно использовал также религиозные и демоно-

⁸ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых ключей. М., 1964. См. также замечание А. И. Шляпкина о близости к фольклору повести о Василии Златовласом (ПДП, вып. 31, СПб., 1882, стр. [I—II]).

⁹ В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956. Особой проблемой остается определение природы «Сказания о семи богатырях, ходивших в Царьград», однако мне все же представляется более убедительной в данном случае аргументация В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского, В. Я. Проша и других исследователей, считающих его литературным памятником, созданным на основе нескольких былин. О пересказах сказки см.: М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII века. — ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 308—325.

¹⁰ А. М. Астахова и В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков. — В кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960 (серия «Памятники русского фольклора»), стр. 14.

¹¹ Там же, стр. 69—71.

¹² Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности, т. I. СПб., 1861, стр. 595—597.